

Пишет Наталья Огорелышева

После начала Великой Отечественной войны и оккупации территория Беларуси была поделена на части. Центральная называлась «Генеральбецирк Беларутения», в западной части была создана провинция «Остзюйдпрусэн», восточная часть называлась областью «армейского тыла», южная, в том числе и Петриковщина, вошла в рейхкомиссариат «Украина». На этой территории были созданы четыре гебитскомиссариата: Мозырский (куда входил Копаткевичский район), Василевичский, Ельский и Петриковский [2, 3]. В Петриковском районе еще до оккупации была создана подпольная группа во главе с первым секретарём райкома партии Х. И. Варгавтиком, а в Копаткевичском – под руководством главы райисполкома А. Т. Михайловского

Хаим Израилевич Варгавтик

Особенно интересна история Хаима Израилевича Варгавтика, который с начала войны остался в Петриковском районе для организации партизанской борьбы с врагом. Отряд, созданный им, базировался в непроходимых лесах

около деревни Турбинка, на границе с Мозырским районом. В сентябре-октябре 1941 г. немецкие оккупанты начали первую карательную экспедицию против партизан. Начались кровопролитные бои. Часть партизан перешла через линию фронта, на встречу с Красной Армией. Те, что остались, сдерживали атаки врага возле д. Турбинка. Так от вражеской пули и погиб Х. И. Варгавтик (*Илл. 2*). Его отряд вырвался из окружения, отбивая нападения врага, пока не присоединился к партизанам Черниговской области. Позднее, в мае 1943 г., в этих местах был создан новый отряд 130-й Петриковской бригады, который вёл боевые действия до последнего дня оккупации [2, с. 234, 235].

Хотя Петриковский район пострадал не так, как соседние районы – здесь не создавались ни гетто, ни лагеря смерти – тем не менее, политика нацизма по уничтожению евреев действовала повсюду. Гитлеровцы уничтожили в районе около 1,2 тыс. граждан, в основном евреев [1, 2].

В деревнях создавались полицейские участки и гарнизоны, назначались старосты. Так, полицейские гарнизоны были в Лясковичах, Копцевичах, Снядине, Бабуничах, Сметаничах и других населённых пунктах [2, с. 277]. В деревне Свобода, неподалеку от городского посёлка Копаткевичи, захватчики создали специальные лагеря для детей. Там содержались около трехсот мальчиков и девочек. Многие из них умерли, а часть была вывезена для сбора крови, которая требовалась для лечения гитлеровцев. Попали туда и еврейские дети: 12-летний Костя Мейлах, Мария и Лиза Бердник из Петрикова и Феня Новик из Новосёлка.

Но особые зверства были учинены над петриковскими евреями. Так, был жестоко замучен старейший житель города – 70-летний заведующий аптекой Арон Файнштейн. В одном из цехов кирпичного завода гитлеровцы нашли больную девочку Инну Фатееву. Её изнасиловали, а потом расстреляли и бросили с горы в омут. На улице К. Либкнехта был убит десятиклассник Борух Герцулин. Блюму Герцулину, бывшую работницу амбулатории, заподозрили в краже ценностей и потом расстреляли.

А самым жутким было массовое убийство на берегу Припяти 14 сентября 1941 г. Взрослых и детей по 30-40 человек сначала гнали по пристани, а потом заставляли ложиться лицом в грязь. На них были нацелены пулеметы бронекатера. Когда на берегу собралось более 400 человек, каратели заставили всех раздеться и голыми загоняли в воду. Евреи под ударами прикладов двигались на глубину, первые уже начали тонуть. Убитые и раненые исчезали под водой. Остальных поливали свинцом, потом добивали раненых [4, с. 275, с. 276, с. 289].

Свидетельства очевидцев:

1. **Гинда Гутман, г. Петриков:** «*Меня схватили каратели и повели по улице Карла Либкнехта до центра города. Около сквера показалась группа людей, около 30 человек. Меня подтолкнули к ним. С улицы Андреева двигалась другая группа евреев, голых, окровавленных. Среди них была Люба Янюк с четырьмя детьми, Евсей Шпитальник с переломанной ногой, его вели под руки, Нахим Гренадер и другие. Нас пригнали к затоке Бычок. Там было действительно некло... Я оказалась под мёртвыми телами, и каратели посчитали меня мертвой. Я теряла сознание, опять приходила в себя, но не вставала. Когда каратели ушли, я выбралась из-под трупов, поползла до берега и доползла до лесопильного завода. Потом смогла дойти до дома Верецакова в Петрикове. В его огороде пролежала весь следующий день. Голодная, распухшая, но добралась до деревни Беляновичи, а потом за Припять. Через несколько недель я оказалась в деревне Макаровка Киевской области, где жило много поляков. Владея польским языком, я выдала себя за полячку и под именем Стефаниды Бяняк прожила там до мая 1942 г. Потом вместе с местными жителями гитлеровцы вывезли меня на работу в Германию. Но самое страшное началось в самом гетто: ужасный голод, страшный холод и забирающая последние силы непосильная работа. И, когда меня вместе с заключенными вели в газовую камеру, к счастью, началось освобождение. В очередной раз мне был дан шанс, я была спасена, уже не надеясь и не веря в спасение» [2, 4].*

Клара Кустанович и Гинда Гутман

2. Белла Кустанович-Гутман, г. Петриков: «...Клара Кустанович приходилась родной сестрой моему мужу. На этом фотоснимке (Клара слева) вы можете видеть, какой красивой она была (Илл. 3). До войны она была учительницей и жила в деревне Голубица. Однажды в ее дом ворвались фашисты. Они требовали у Клары информацию о местонахождении советских солдат и офицеров, вырвавшихся из окружения. Но она посчитала, что лучше смерть, чем предательство. И даже сожжение пятилетней дочери Фани не изменило решения Клары. После этого она была расстреляна. Посмертно она была награждена медалью “За боевые заслуги”. О ее самоотверженном подвиге рассказывается в статье “Убитые, встаньте”, опубликованной в газете “Правда”, а в газете “Советская Беларусь” была опубликована статья “У імя будучыні” (вряд ли именно в “Советской Белоруссии”, т. к. после войны эта газета выходила на русском языке – belisrael). Мой муж после войны посылал запросы в различные архивы с целью узнать поподробнее о гибели своих родных. Смерть Клары была описана в центральных газетах, поэтому наш запрос был удовлетворен. ...Рядом с Кларой запечатлена двоюродная сестра мужа, Гинда Яковлевна Гутман. Ее история не менее трагична, хотя и со счастливым концом. ...Вам, наверное, хорошо известен тот факт, что евреев г. Петрикова уничтожали жестоко и массово. Так вот, среди осужденных на смерть евреев была и наша Гинда.

Ей тогда было 36 лет. Но судьба подарила ей жизнь. Гинда вернулась в Петриков, где прожила до 1970 года» [4, с. 4, 6].

Эти с мужем Мишей Фридманом

3. Эти Шифман-Фридман, г. Маалот: «...Немало евреев было в Петрикове, где я родилась и выросла. Конечно, не все верили в предстоящие зверства фашистов, в то, что ждет их на оккупированной врагом территории. Так, например, мой дедушка Янкл Фридман благословил побег своих детей – сына (моего отца) и дочери с семьями, а сам остался беречь “имущество”. И, конечно, погиб. Старшему брату моему Абраму не было 18 лет. 20 июня 1941 года поздно вечером он пришёл после выпускного вечера по случаю окончания средней школы. Покинуть родной город вместе с нами отказался и за два дня до прихода немцев добровольцем ушёл на фронт. Погиб 3 июня 1943 года героически, как было сказано в похоронке. Отец тоже был на фронте и к счастью, вернулся живым.

Коротко о моём Петрикове. Это старинное в прошлом местечко, а в годы моей молодости – город. Действовали в нем до 1937 года две еврейские школы, синагога. Вспоминаю, как субботним утром старики в кипах и талесах шли в синагогу. Я закончила пять классов еврейской семилетки, ставшей потом школой с белорусским языком обучения. Вернувшись из эвакуации, мы узнали,

что все оставшиеся евреи погибли, среди них немало детей, моих одноклассников, соседей, близких знакомых. Спасённых не было, кроме тех, кто сумел уйти в партизаны.

А было так. Поочередно всех евреев семьями сгоняли к берегу реки Припять, загоняли в воду, расстреливали. Потом трупы всплывали, и местные жители тайком хоронили останки поближе к городу (как у нас называли, в «крайчаке», и на противоположном берегу реки). Так погибли мой дедушка, брат отца Эли, старики, которых я знала и помню: Мордхе-Довид Зарецкий с супругой, мой одноклассник Хаим Турецкий, его сестра Эстер и их родители, Довид Зарецкий, Берл Голубицкий – молодые ребята, по 15-17 лет, Двора Чарная с мужем и больным сыном. Жмодян, Шлуме-Герш с женой, супруги Лейбке и Геня Зарецкие, Доба Зарецкая с детьми, семья фронтовика Мотки Офенгендина и многие другие, всех не перечислить, да и не вспомнить. Ведь мне не было и 16 лет. А всего погибло не менее 300 человек.

Борис Яковлевич и Эстер Мееровна Фридман

Пришла долгожданная Победа. Благодарные жители города показали моему отцу Борису Фридману, Арону Зарецкому, Бене Гутману, Шае Люлькину, Юде-Лейбу Чарному места захоронения евреев, жертв фашизма. С большим

трудом среди кустарников вырыли они останки и со всеми религиозными почестями похоронили на еврейском кладбище. Могилу огородили и установили примитивный металлический памятник с соответствующей надписью, конечно, с помощью горсовета. На противоположном берегу Припяти установили небольшой памятник рабочие судоремонтного завода по инициативе директора Смирнова. Теперь в Петрикове осталось не больше 10 евреев, и то такие, кто по состоянию здоровья позаботиться о благоустройстве кладбищ и памятника не в состоянии, притом и материальных средств они для этого не имеют.

В связи с этим хочу повторить слова неоднократных публикаций в “ЕК” на тему, нужны или не нужны памятники мёртвым. Имеются в виду “швейцарские” деньги. Как утверждают в своём письме Комиссарчик и его соавторы, “деньги нужны не мёртвым, а нам живым”. А в номере “ЕК” за 8 июля 1999 года в письме “Показуха?” Борис Гидаевич приводит слова из письма семьи – моих однофамильцев, Фридман что, мол, “нет смысла ставить обелиски там, где евреев остаётся все меньше и меньше” и что никому, мол, не нужна “показная память о погибших”. Боже мой, как можно было додуматься до такого! Ведь нет в бывшем Советском Союзе ни одного города, местечка и даже деревни, где бы ни жили и ни были замучены евреи. Так пусть хоть скромные памятники, обелиски напоминают живущим там евреям и неевреям, грядущему поколению о том, что пришлось пережить в годы лихолетья. Конечно, не сравнить такие города, как Одесса и другие, где помощь в увековечении памяти о замученных и погибших евреях на оккупированных врагом территориях выделяют горсоветы, общины, более богатые и щедрые люди. Я не собираюсь диктовать, как и кому делить швейцарские деньги, зная, что никто от них не откажется. Считаю, что решать должна комиссия, с учетом предложений заинтересованных в установлении и благоустройстве памятников погибшим евреям и кладбищ в городах и населённых пунктах, где позаботиться об этом некому. [“ЕВРЕЙСКИЙ КАМЕРТОН”, приложение к израильской газете “Новости недели”, 30 сентября 1999 года]

- 4. Нахман (Наум) Шаевич Зарецкий, г. Бруклин:** «...Когда в 1941–1944 гг. пришли немецкие оккупанты, многие из белорусов пошли служить полицаями. ...Отец с семьёй бежали из Петрикова в деревню Убортская Рудня, когда бабушки уже не было в живых. Было так. Когда в основном немцы ушли, в Петриков из деревни Лясковичи на моторных лодках приехали белорусские бандиты, вооруженные пулеметами. Петриковские бандиты тоже вооружились и стали хватать евреев. Собрали толпу, примерно 500 человек, в основном женщин, детей и стариков, и погнали к реке Припять. Руководил бандитами 18-летний Шпак. Эту толпу евреев гнали по нашей улочке. Стоял крик и стон. Бабушка услышала и вышла на улицу. Ее тоже схватили и погнали к реке. Как я уже говорил, Петриков стоит на

высоком берегу. Как нам потом рассказывали очевидцы, несчастных загнали в протоку (своего рода канал, где делали баржи) – её называли Бучок, – и стали заставлять топиться, тех кто сопротивлялся – расстреливали из пулеметов (среди этой толпы был мой однофамилец Моче-Бэйзис Зарецкий, физически крепкий мужчина, работавший плотником). Когда людей загнали в реку, он нырнул, переплыл под водой Бучок, а затем и Припять и ушёл в лес, где прятался какое-то время. Затем он вернулся в Петриков и погиб. Когда трупы всплывали, их закапывали в вырытый рядом с берегом ров.

Только после войны вернувшись с фронта евреи организовали группу, сколотили тачки, выкопали погибших из всех расстрельных ям и на лошадях перевезли на еврейское кладбище, где похоронили в большой братской могиле. Мой брат Исроэйл и я были на этом кладбище в 1981 г. В начале могилы стоял железный столбик, к которому была приделана жестянка с надписью краской “Здесь похоронены жертвы немецко-фашистской оккупации 1941–1945 гг.”. Ни слова, что здесь лежат одни евреи. Это чудовищно, но это факт. От старого довоенного еврейского кладбища, где я с отцом и дедом хоронил Бенциена (дедова брата) в июле 1940 г., остался маленький кусочек... Всего в Петрикове погибло во время войны от геноцида (в основном от рук самих петриковцев при помощи немцев) около 2600 человек. Светлая память им – мученикам...» [из архива Л. Смиловицкого].

После Великой Отечественной войны было установлено, конечно же, много памятников, но они были «безликими», где евреи указывались как «советские люди» или «жертвы фашистского террора». И пример тому – памятник в Петрикове, о котором упоминали очевидцы (Илл. 4). В Беларуси в последние годы стали устанавливать памятники жертвам Холокоста. И это первые шаги к осознанию того, что Катастрофа (Шоа) – это не только трагедия евреев Беларуси, Европы, но и общемировая, человеческая трагедия.

Автор благодарит д-ра Леонида Львовича Смиловицкого, старшего научного сотрудника, руководителя проекта «История евреев в Беларуси» в Центре диаспоры при Тель-Авивском университете, а также музей истории и культуры евреев Беларуси (г. Минск) за предоставленные материалы.

Список использованных источников:

1. Смиловицкий, Л. Катастрофа евреев в Белоруссии 1941– 944 гг. Тель-Авив: 2000.
2. Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Петрыкаўскага раёна. Мінск: Ураджай, 1994.
3. Яд Вашем. Курс «И памяти нет страшней...» – история Холокоста (Шоа). Иерусалим: 2018, teacher: Frederik Drachinsky.

4. Республиканский конкурс «Холокост. История и современность». Интервью-исследование «Холокост в истории семьи Кустанович-Гутман». / Г. С. Казак [и др.]. Петриков: 5 ГУО «Средняя общеобразовательная школа № 1 г. Петрикова», 2008.
